

Как из далеча было из чиста поля,
Из-под белые березки кудревастыи,
Из-под того ли с-под кустичка ракитова,
А и выходила-то турица златорогая,
И выходила то турица со турятами,
А и расходилися туры да во чистом поли,
Во чистом поле туры да со турицею.
А и случилось турам да мимо Киев-град идти,
А и видели над Киевом чудным-чудно,
Видели над Киевом дивным-дивно:
По той по стене по городовыи
Ходит девица-душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не только читает, да вдвой плаче.
А тому чуду туры удивилися,
В чистое поле возвратилися,
Сошлись, со турицей поздоровкались:
«А ты здравствуешь, турица, наша матушка!» –
«Ай здравствуйте, туры да малы детушки!
А где вы, туры, были, что вы видели?» –
«Ай же ты, турица, наша матушка!
А и были мы, туры, да во чистом поли,
Алучилося нам, турам, да мимо Киев-град идти,
А и видели над Киевом чудным-чудно,
А и видели над Киевом дивным-дивно:
А по той стене по городовыи
Ходит-то девица-душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читает, да вдвой плаче».
Говорит-то ведь турица, родна матушка:
«Ай же вы, туры да малы детушки!
А и не девица плаче, – да стена плаче,

А и стена та плаче городовая,
А она ведает незгодушку над Киевом,
А и она ведает незгодушку великую».
А из-под той ли страны да с-под восточныя
А наезжал ли Батыга сын Сергеевич,
А он с сыном со Батыгой со Батыговичем,
А он с зятем Тараканчиком Корабликовым,
А он со черным дьячком да со выдумщичком.
А и у Батыги-то силы сорок тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорок тысячей,
А у зятя Тараканчика силы сорок тысячей,
А у черного дьячка, дьячка-выдумщика,
А той ли той да силы счету нет,
А той ли той да силы да ведь смету нет:
Соколу будет лететь да на меженный долгий день,
А малою-то птичке не облететь.
Становилась тая сила во чистом поли.
А по греху ли то тогда да учинилося,
А и богатырей во Киеве не лучилося:
Святополк-богатырь на Святыих на горах,
А и молодой Добрыня во чистом поли,
А Алешка Попович в богомольной стороны,
А Самсон да Илья у синя моря.
А случилася во Киеве голь кабацкая,
А по имени Василий сын Игнатьевич.
А двенадцать годов по кабакам он гулял,
Пропил, промотал все житье-бытье свое,
А и пропил Василий коня доброго,
А с той ли-то уздицей тесмяною,
С тем седлом да со черкасским,
А триста он стрелочек в залог отдал.
А со похмелья у Василья головка болит,

С перепоею у Василья ретиво сердце щемит,
И нечим у Василья опохмелиться.
А берет-то Василий да свой тугой лук,
Этот тугой лук, Васильюшко, разрывчатый,
Налагает ведь он стрелочку каленую,
А и выходит-то Василий вон из Киева;
А стрелил-то Василий да по тем шатрам,
А и по тем шатрам Василий по полотняным,
А и убил-то Василий три головушки,
Три головушки Василий, три хорошеньких:
А убил сына Батыгу Батыговича,
А убил зятя Тараканчика Корабликова,
А убил черного дьячка, дьячка-выдумщикка.
И это скоро-то Василий поворот держал
А и во стольный во славный во Киев-град,
А это тут Батыга сын Сергеевич,
А посылает-то Батыга да скорых послов,
Скорых послов Батыга виноватого искать.
А и приходили-то солдаты каравульные,
Находили-то Василья в кабаки на печи,
Проводили-то Василья ко Батыге на лицо.
А и Василий-от Батыге извиняется,
Низко Василий поклоняется:
«Ай прости меня, Батыга, во такой большой вины!
А убил я три головки хорошеньких,
Хорошеньких головки, что ни лучшеньких:
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил черного дьячка, дьячка-выдумщикка.
А со похмелья у меня теперь головка болит,
А с перепоею у меня да ретиво сердце щемит,
А опохмель-ка меня да чарой винною,

А выкупи-ка мне да коня доброго -
С той ли-то уздицей тесмяною,
А с тем седлом да со черкасским,
А триста еще стрелочек каленных;
Еще дай ка мне-ка силы сорок тысячней,
Пособлю взять-пленишь да теперь Киев-град.

А знаю я воротца незаперты,
А незаперты воротца, незаложенные
А во славный во стольный во Киев-трад».

А на те лясы Батыга приукинулся,
А выкупил ему да коня доброго,
А с той ли-то уздицей тесмяною,
А с тем седлом да со черкасским,
А триста-то стрелочек каленных.
А наливает ему чару зелена вина,
А наливает-то другую пива пьяного,
А наливает-то он третью меду сладкого;
А слил-то эти чары в едино место, -
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василий единою рукой,
Выпивает-то Василий на единый дух,
А крутешенько Василий поворачивалсе,
Веселешенько Василий поговариваё:
«Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелькой махать».

И дал ему силы сорок тысящей.
А выезжал Василий во чисто поле,
А за ты-эты за лесушки за темные,
А за ты-эты за горы за высокие,
А это начал он по силушке поезживати,

И это начал ведь он силушку порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
Скоро тут Василий поворот держал.
А приезжает тут Василий ко Батыге на лицо,
А и с добра коня Васильюшка спускается,
А низко Василий поклоняется,
Сам же он Батыге извиняется:
«Ай, прости-ко ты, Батыга, во такой большой вины!
Потерял я ведь силы сорок тысящей.
А со похмелья у меня теперь головка болит,
С перепою у меня да ретиво сердце щемит,
Помутились у меня да очи ясные,
А подрожало у меня да ретиво сердце.
А опохмель-ка ты меня да чарой винною,
А дай-ка ты силы сорок тысящей,
Пособлю взять-пленить да я Киев-град».
А на ты лясы Батыга приукинулся,
Наливает ведь он чару зелена вина,
Наливает он другую пива пьяного,
Наливает ведь он третью меду сладкого;
Слил эти чары в едино место, -
Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василий единою рукой,
А выпивал Василий на единый дух,
А и крутешенько Василий поворачивалсе,
Веселешенько Василий поговаривае:
«Ай же ты, Батыга сын Сергиевич!
Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, острой сабелькой махать».
А дал ему силы сорок тысящей.

А садился Василий на добра коня,
А выезжал Василий во чисто поле,
А за ты-эты за лесушки за темные,
А за ты-эты за горы за высокие,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил, прирубил до единой головы.
А разгорелось у Василья ретиво сердце,
А и размахалась у Василья ручка правая,
А и приезжает-то Василий ко Батыге на лицо,
И это начал он по силушке поезживати,
И это начал ведь он силушку порубливати,
А он прибил, прирубил до единой головы.
А и тот ли Батыга на уход пошел,
А и бежит-то Батыга, запинается,
Запинается Батыга, заклинается:
«Не дай Боже, не дай Бог да не дай детям моим,
Не дай дитям моим да моим внучатам
А во Киеве бывать да ведь Киева видать!»
Ай чистые поля были ко Опскову,
А широки раздольица ко Киеву,
А высокие-ты горы Сорочинские,
А церковно-то строенье в каменной Москвы,
Колокольный-от звон да в Нове-городе.
А и тертые калачики валдайские,
А и щापтивы щеголихи в Ярославе-городи,
А дешёвы поцелуи в Белозерской стороне,
А сладки напитки во Питере.
А мхи-ты, болота ко синю морю,
А щельё-каменьё ко сиверику,
А широки подолы пудожаночки,
А и дублёны сарафаны по Онеге по реки,

Толстобрюхие бабенки лешмозёрочки,
А и пучеглазые бабенки пошозёрочки.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Да боле петь вперед не знай.